

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2024.12904

EDN: OBRCRF

Конфликт отца и сына в повести М. Горького «Мать»

Ю. М. Егорова

*Институт мировой литературы им. А. М. Горького,
Российская академия наук
(г. Москва, Российская Федерация)*

e-mail: fram1976@mail.ru

Аннотация. На рубеже XIX–XX вв. М. Горький был занят поиском новых художественных форм, жанров, новой эстетики и нового героя. Важным критерием хорошей литературы для писателя были ее злободневность и воспитательное воздействие. Результатом этих поисков и стала повесть «Мать». Здесь трансформирован жанр произведения, выведен принципиально новый тип героя, показана его правда и эстетика, цели и возможности, по-своему разрешен давний конфликт «отцов и детей», волновавший писателя еще в начале его творческого пути. Горький предложил свою версию разрешения конфликта, которая заключалась в разрыве связующей нити между поколениями «отцов и детей». По наблюдениям писателя, поколение «отцов» оказалось не способно устранить сложившиеся противоречия и найти компромисс, поэтому в назревшем «противостоянии» Горький встал на сторону молодого поколения. Выведа из спора отца, носителя изжившего себя прошлого, писатель предоставил возможность сыну утвердить свою, новую, правду, суть которой заключалась в борьбе за лучшее будущее для всего человечества. Первой помощницей, другом и соратником в этом ответственном деле он сделал мать героя, тем самым напомнив обществу о высоком предназначении женщины, а также о святой сущности материнства. Духовное возрождение Пелагеи Власовой как личности является одним из основных лейтмотивов данного произведения.

Ключевые слова: Горький, повесть Мать, поиски, жанр, новый герой, эстетика, конфликт отцов и детей, отец, сын, мать

Для цитирования: Егорова Ю. М. Конфликт отца и сына в повести М. Горького «Мать» // Проблемы исторической поэтики. 2024. Т. 22. № 1. С. 229–249. DOI: 10.15393/j9.art.2024.12904. EDN: OBRCRF

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2024.12904

EDN: OBRCRF

The Father-Son Conflict in the Short Novel (Povest') "The Mother" by Maxim Gorky

Yuliya M. Egorova

*A. M. Gorky Institute of World Literature,
Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)*

e-mail: fram1976@mail.ru

Abstract. The turn of the 20th century was marked by M. Gorky's search for new artistic forms, genres, new aesthetics and a new hero. It was important for the writer to bring timeliness and usefulness of literature come to the fore. In the short novel "The Mother" Gorky attempted to present the result of his search: to act as an innovator in terms of genre; to acquaint readers with a new type of hero, his new truth and aesthetics, to demonstrate his goals and capabilities; as well as to resolve the long-standing conflict of "fathers and sons," which concerned the writer at the very beginning of his career. Gorky offered his version of the solution to the conflict, which consisted of breaking the binding thread between generations of "fathers and children." According to the writer's observations, the generation of "fathers" turned out to be incapable of this, as well as incapable of resolving the existing contradictions and finding a compromise, therefore, he took the side of the younger generation in the overdue "confrontation." Having taken the father, as the bearer of the traditions of the past that have become obsolete, out of the dispute, the writer provided the Son with the opportunity to assert his own new truth, the essence of which is the struggle for a better future for all mankind. The author entrusted this exalted and honorable mission to the younger generation. Gorky's innovation was expressed in the fact that he made Mother the key assistant, friend and ally in this significant matter, thereby reminding society of the lofty purpose and role of a woman, as well as the sacred essence of motherhood in this world. The main conclusion of the study states that the spiritual revival of Pelageya Vlasova as an individual is the central leitmotif of this work.

Keywords: Gorky, short novel The Mother, searches, genre, new hero, aesthetics, father-son conflict, father, son, mother

For citation: Egorova Yu. M. The Father-Son Conflict in the Short Novel (Povest') "The Mother" by Maxim Gorky. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2024, vol. 22, no. 1, pp. 229–249. DOI: 10.15393/j9.art.2024.12904. EDN: OBRCRF (In Russ.)

В 1961 г. французский писатель Андре Стиль в статье «Горький и авангард» высказал мысль, которая будет актуальной для исследователей творчества М. Горького еще долгие годы: «Если о каких-то книгах говорилось и писалось очень много, это еще не значит, что о них уже сказано все. Перечитывая их в свете требований и задач нынешнего дня, каждый раз обнаруживаешь в них нечто новое. Они неисчерпаемы. Пример тому "Мать" Горького» [Стиль: 185].

Со времени выхода книги в свет в 1907 г. прошло более ста лет. Особенно активно это произведение изучалось в советские годы. Ему было посвящено огромное количество работ и исследований в нашей стране и за рубежом. Они внесли свой вклад как в горьковедение в целом, так и в изучение этого произведения в частности. В фундаментальных трудах Н. П. Белкиной, В. В. Ермилова, С. В. Касторского, И. Н. Кубикова второй половины 30-х — 50-е гг., и позже в 60–80-е гг. XX в. — у В. И. Баранова и Н. Д. Барановой, Б. И. Бурсова, Б. А. Бялика, Б. В. Михайловского и Е. Б. Тагера, И. В. Никитиной, С. И. Сухих¹ и др. — поднимались вопросы истории создания текстов и их художественного своеобразия, рассматривались гипотезы о прототипах главных героев, анализировалось влияние приемов соцреализма на развитие сюжета и пр. Большое количество исследовательских работ, раскрывающих различные аспекты повести «Мать», можно объяснить присутствием в произведении значительного числа намеченных автором лейтмотивов, каждый из которых требует детального изучения. Для разрешения одного из них — конфликта «отцов и детей» — Горький предложил свою версию. Ее суть заключалась в разрыве связующей нити между поколениями «отцов и детей», Михаилом и Павлом Власовыми, и заменой ее более высокими и значимыми отношениями «матери и сына». Настоящая работа впервые подробно и аргументированно раскрывает ход авторской мысли в его новаторском подходе к разрешению данного конфликта.

¹ См.: [Белкина: 92–111], [Ермилов], [Касторский, 1938], [Кубиков], [Баранов, Баранова], [Бурсов, 1955, 1962], [Бялик, 1970, 1976], [Михайловский, Тагер], [Никитина], [Сухих].

Рубеж веков в России был ознаменован предвестием грядущего обновления. Переломные для страны годы постепенно формировали новое восприятие исторической действительности. В обществе четко осознавался резко ускорившийся поток судьбоносных событий и нарастали сомнения в устойчивости существовавшего миропорядка. Последствия этих явлений рубежа веков указаны в статье «Русская литература "серебряного века" как сложная целостность» Вс. А. Келдыша: «общественный подъем начала 1900-х годов, завершившийся событиями Первой русской революции 1905–1907 годов», «глубоко всколыхнул» страну [Келдыш: 13]. Одну из причин, приведших к кризису, Горький усматривал в назревшем конфликте поколений, который требовал немедленного разрешения. Писатель осознавал, что жить «заветами отцов» более не представлялось возможным. Будучи не только свидетелем, но и активным участником создаваемой в России новой истории, он остро чувствовал необходимость в серьезных переменах. Противоречия между старшим и молодым поколениями возникали все чаще и проходили все более ожесточенно. Это подтолкнуло Горького к поиску путей примирения. Одновременно он занялся и поиском иных художественных форм, жанров, новой эстетики и нового героя. Как отмечал В. Воровский, «деятельность М. Горького — и как художника и как публициста — представляет одно сплошное искание правды — того нравственного начала, которое осмыслило бы человеческое общежитие и сделало бы жизнь людей разумной и счастливой» [Воровский: 175]. О духовных и эстетических поисках периода рубежа веков в жизни и творчестве писателя упоминали в своих трудах Л. А. Колобаева [Колобаева], Л. А. Спиридонова [Спиридонова, 2021, 2022] и др. Результаты незамедлительно нашли отражение в его творчестве, а именно — в повести «Мать», в которой автор попытался показать трансформацию внутреннего духовного и идейного мира героини, проследить становление ее как личности.

Конфликт поколений «отцов и детей» как столкновение двух мировоззрений и своего рода моральный диспут волновал Горького еще в начале его творческого пути. Эта тема, помимо прочих, нашла отражение в рассказе «На плотях» (1895), романе «Фома Гордеев» (1899) и других произведениях

автора. В повести «Мать» писатель впервые представил свой вариант разрешения данного спора. На протяжении довольно долгого времени Горький задавался вопросами: как устранить это противоречие? кто виноват в его появлении? Причины возникновения конфликта, из-за которого поколения детей сталкивались в идейных спорах с отцами, низвергая их ценности и кумиров, он сформулировал, дав им свою оценку, несколькими годами позднее в циклах статей «Издалека» (1911) и «О современности» (1912). Так, в статье «О современности» Горький писал:

«Вражда отцов и детей в тех формах, с тою силой, как она наблюдается в нашем быту — явление, возможное только там, где не выработаны общекультурные и классовые традиции, <где отсутствует главнейшая основа их — высокая оценка человеческой личности и нет чувства уважения к ней>, где нет строгой преемственности в социальной работе, где каждое поколение стремится начать жизнь свою "по-новому", не оглядываясь назад, не разбираясь в наследстве "отцов", и где отцы, слишком высоко оценивая свой социальный труд, <...> относятся ко всякой попытке критики его со стороны детей иронически и отрицательно»².

Будучи по духу бунтарем («...я в мир пришел, чтобы не соглашаться»³), Горький в конфликте «отцов и детей» принял сторону молодого поколения, в правду которого он поверил и за которым видел будущее. Трагедия, произошедшая в его семье во время работы над повестью, лишь укрепила позицию автора. Смерть маленькой дочери оказала сильное влияние на писателя, в результате чего он создал в повести новую образную систему, навеянную размышлениями о детях и будущем, которое им предстояло построить, о духовном возрождении человека и судьбе России, о роли женщины-матери в этом процессе. Так, в письме от 19 августа (1 сентября) 1906 г. к жене Е. П. Пешковой он писал:

² Горький М. О современности // Публицистика М. Горького в контексте истории. М.: ИМЛИ РАН, 2007. С. 242–244. (Сер.: М. Горький. Материалы и исследования; вып. 8.)

³ Горький М. О том, как я учился писать // Горький М. Собр. соч.: в 30 т. / АН СССР, ИМЛИ им. А. М. Горького. М.: ГИХЛ, 1953. Т. 24. С. 489.

«Я прошу тебя — следи за сыном. Прошу не только как отец, но — как человек. В повести, которую я теперь пишу, — "Мать" — героиня ее, вдова и мать рабочего-революционера — я имел в виду мать Заломова, — говорит:

"— В мире идут дети... идут дети к новому солнцу, идут дети к новой жизни... Дети наши, обрекшие себя на страдание *за все люди*, идут в мире — не оставляйте их, не бросайте кровь свою без заботы!"

Впоследствии, когда ее будут судить за ее деятельность, она скажет речь — в которой обрисует весь мировой процесс, как шествие *детей* к правде. Детей, ты это пойми! В этом — страшное усиление мировой трагедии. Мне трудно пояснить тебе эту большую мысль в письме, она слишком сложна...»⁴.

Этот фрагмент письма объясняет, почему Горький встал на сторону молодого поколения и принял решение убрать, практически в самом начале повести, образ Михаила Власова, отца Павла — носителя старых, изживших себя традиций. Автор не видел за ним будущего: Власов-старший был воплощением безрадостной жизни рабочей слободки с ее дикими порядками и обычаями. Чтобы усилить связь и сходство этого персонажа со средой, выходящей из которой тот являлся, Горький прибегнул к приему зооморфизма. Согласно первоначальному замыслу писателя, слесарь Михаил Власов обладал звериной внешностью и повадками. По мнению О. Н. Кондратьевой, зооморфные образы использовались различными авторами с древних времен в качестве художественного приема «для характеристики особенностей внешнего облика человека, его характера, поведения в обществе, т. е. актуализации вполне конкретных, наблюдаемых особенностей существования человека. В то же время существует тенденция использования зооморфных образов и для репрезентации внутреннего мира человека, в частности его центрального компонента — души» [Кондратьева: 186]. Особенно очевидным сходство было в первых двух редакциях повести, в последней Горький сделал его менее заметным. В ранней редакции (1906), считающейся утерянной в Америке, Власов-старший был представлен следующим образом:

⁴ Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 1999. Т. 5: Письма. 1905–1906. С. 210.

«...слесарь Михаил Власов [по прозвищу Волк], человек угрюмый, [чернобородый] [неуклюжий] [и весь] с маленькими [подозрительно] глазами, которые смотрели на всё из-под густых бровей подозрительно, с недоверчивой и острой усмешкой. [Весь обросший густыми черными] <...> Лицо его [обросшее густой], заросшее от глаз до шеи черной бородой, и волосатые толстые руки, покрытые шерстью, внушали всем страх. И особенно боялись его глаз [*нрзб.*] они смотрели] они сверлили лица людей, точно стальные буравчики, [и была в них беспощадная] и каждый, кто встречался с их взглядом, чувствовал перед собой зверя, дикую силу, [неспособную к жалости, их] не доступную страху, готовую [бить] драться без пощады. <...> и сквозь густые волосы на его лице страшно сверкали звериные, крупные зубы»⁵.

Обращает на себя внимание прозвище Михаила Власова — Волк. В процессе работы над повестью Горький откажется от него, и в последующих редакциях оно больше не появится. Чтобы понять, почему Горький сравнил Михаила Власова именно с волком, обратимся к Библейскому словарю Э. Нюстрема: «Волк — *евр.* зеев. За свою хищность и дикий вой волк считался особенно отвратительным животным»⁶. В тексте Библии волкам уподоблялись лжепророки (Мф. 7:15), а также неправедные князья и судьи (Иез. 22:27; Соф. 3:3). Автор словаря отмечает, что и «враги Евангелия уподобляются волкам» (Мф. 10:16; Деян. 20:29). Иными словами, Горький неслучайно использовал такое сравнение: ему важно было показать дикость и необузданность нрава Власова-старшего, убедить читателя в том, что его темная, погрязшая в ненависти и пороках душа не способна на созидание, на принятие новой правды и веры, поисками которых занят его сын. Он — антагонист Павла, посвятившего себя служению всему человечеству.

В тексте второй редакции, выпущенной издательством И. П. Ладыжникова в Берлине в 1907 г., Горький немного смягчил описание Власова-старшего, однако и оно оставляло тяжелое, мрачное впечатление:

⁵ Горький М. Полн. собр. соч. Варианты к худож. произведениям: в 10 т. М.: Наука, 1975. Т. 3: Варианты к томам VIII–XII. 1907–1912. С. 12–13.

⁶ Нюстрем Э. Библейский словарь. СПб.: Печатный двор, 2002. С. 35.

«Так жил и [слесарь Михаил Власов, человек угрюмый] {Михаил Власов, слесарь, волосатый, угрюмый}, с маленькими глазами; [которые] {они} смотрели из-под густых бровей подозрительно, с [недоверчивой и] нехорошей усмешкой. <...> Лицо его, заросшее от глаз до шеи черной бородой, и волосатые руки[, густо покрытые шерстью] внушали всем страх. Особенно боялись его глаз, — маленькие{,} [и] острые, они сверлили людей, точно стальные буравчики, и каждый, кто встречался с их взглядом, чувствовал перед собой [зверья,] дикую силу, недоступную страху, готовую бить беспощадно. <...> ...глаза его блестели острой, как шило, усмешкой»⁷.

Из окончательного варианта, вошедшего в собрание сочинений, выпущенное в Берлине издательством “Kniga” в 1923 г., Горький убрал из описания Власова-старшего прямые анималистические сравнения, тем не менее косвенное сходство все же осталось. Так, песни, исполняемые этим персонажем в минуты душевного смятения, скорее напоминали протяжный звериный вой, нежели благозвучную мелодию:

«После ужина он (Михаил Власов. — Ю. Е.) <...> выл песню, широко открывая рот <...>. Заунывные, некрасивые звуки путались в его усах <...>. Слова песни были какие-то непонятные, растянутые, мелодия напоминала о зимнем вое волков. Пел он до поры, пока в бутылке была водка...» (*Горький*; т. 8: 11).

Единственным другом и спутником Михаила Власова стала безымянная собака. Писатель сознательно указал на их внешнее сходство:

«Была у него собака, такая же большая и мохнатая, как сам он» (*Горький*; т. 8: 11).

⁷ В квадратных скобках коричневым шрифтом — фрагменты более ранней второй редакции, отсутствующие в основном тексте, в фигурных скобках — вариант основного текста, отсутствовавший в ранней редакции. См.: Горький М. Полн. собр. соч. Варианты к худож. пр-м. Т. 3. С. 15–16. Ср. осн. текст: Горький М. Полн. собр. соч. Худож. пр-я: в 25 т. М.: Наука, 1970. Т. 8. С. 10. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Горький* и указанием тома и страницы в круглых скобках.

Между хозяином и его питомцем сложились свои, понятные только им двоим отношения. Они всюду появлялись вместе, став неотъемлемой частью друг друга:

«Она (собака. — Ю. Е.) каждый день провожала его на фабрику и каждый вечер ждала у ворот. <...> собака весь день ходила за ним, опустив большой, пышный хвост. Возвращаясь домой пьяный, он садился ужинать и кормил собаку из своей чашки. Он ее не бил, не ругал, но и не ласкал никогда. <...> Пел он до поры, пока в бутылке была водка, а потом валился боком на лавку или опускал голову на стол и так спал до гудка. Собака лежала рядом с ним» (Горький; т. 8: 11).

Создается впечатление, что пес был для Власова дороже и ближе домочадцев. Не раз поднимавший руку на сына и жену, он никогда не бил собаку. Угрюмость, буйный нрав и тяжелая жизнь хозяина отражались на настроении питомца. Горький подчеркнул эту мысль всего одной фразой:

«...собака <...> ходила за ним, **опустив** большой, пышный **хвост**» (Горький; т. 8: 11; выделено мной. — Ю. Е.).

В отличие от большинства представителей мужского населения слободки, которые вели разгульный образ жизни, Михаил Власов оставался преданным своей жене. Лишь однажды он заявил ей, что собирается завести любовницу, но обещание так и не исполнил:

«— Я любовницу заведу... Любовницы он не завел...» (Горький; т. 8: 11).

Однако преданность Власова Пелагее была весьма специфична и больше напоминала привычку. Привычка приходить туда, где кормят и ухаживают, да и податься больше некуда; но вот любви и сердечной привязанности к супруге у Власова никогда не было, как не было жалости, сострадания и благодарности. В одной из бесед с друзьями сына Ниловна поведала о жизни с мужем:

«Все заботы мои, все мысли были об одном — чтобы накормить зверя своего вкусно, сытно, вовремя угодить ему, чтобы он не угрюмился, не пугал бы побоями, пожалел бы хоть раз» (Горький; т. 8: 86–87).

Власов отличался немногословностью, «сволочь» было его любимым словом: «Им он называл начальство фабрики и полицию, с ним он обращался к жене» (*Горький*; т. 8: 10), но не к собаке.

Пес стал самым преданным и близким Михаилу Власову существом. Горький объединил их в пару, чтобы подчеркнуть духовное одиночество этого персонажа. В отличие от положительных героев повести, имевших друзей и соратников, и отрицательных (Исай, офицеры, судьи и др.), лишенных привилегии иметь друзей, Власов-старший занял промежуточное положение — безымянная собака оказалась его единственным компаньоном, а в некоторых случаях и собеседником.

Стоит отметить, что Горький не раз прибегал к приему зооморфизма. Особенно это характерно для раннего творчества писателя. Анималистические черты можно встретить в описании Игната Гордеева — отца Фомы Гордеева в одноименной повести. Горький наделил купца тремя душами, одна из которых, звериная, обыкновенно наиболее ярко проявлялась весной:

«...когда всё на земле становится так обаятельно красиво и чем-то укоризненно ласковым веет на душу с ясного неба, — Игнат Гордеев как бы чувствовал, что он не хозяин своего дела, а низкий раб его. Он задумывался и, пытливо поглядывая вокруг себя из-под густых, нахмуренных бровей, целыми днями ходил угрюмый и злой, точно спрашивая молча о чем-то и боясь спросить вслух. Тогда в нем просыпалась другая душа — буйная и похотливая душа раздраженного голодом зверя» (*Горький*; т. 4: 185).

Обычно ничего хорошего это не сулило. Опоенный весной Игнат Гордеев на несколько недель погружался в пьянство и разврат:

«Всклокоченный, грязный, с лицом, опухшим от пьянства и бессонных ночей, с безумными глазами, огромный и ревущий хриплым голосом, он носился по городу из одного вертепа в другой...» (*Горький*; т. 4: 185).

Наконец, устав от кутежей, Игнат, подавленный и тихий, неожиданно возвращался домой. Молча слушая упреки жены, он становился «смирным и тупым, как овца» (*Горький*; т. 4: 185).

В отличие от Игната Гордеева, у которого лишь одна из трех душ была звериной, Михаил Власов являлся обладателем только одной — дикой и необузданной. Он отличался буйным и злобным нравом, особенно после обильных возлияний. И хотя этим грешило практически все мужское население слободки, каждое посещение кабака Михаилом Власовым заканчивалось дракой, во время которой он вымещал всю скопившуюся злобу на боках своих компаньонов и случайных зевак. Именно поэтому жители слободки не любили его и боялись, хотя работником он был хорошим. Неудивительно, что и после смерти Власова-старшего никто из провожавших взглядом траурную процессию не нашел для него доброго слова:

«— Чай, Палагея-то рада-радешенька, что помер он...
Некоторые поправляли:
— Не помер, а — издох...» (*Горький*; т. 8: 12).

В конце второй главы Горький вывел этого персонажа за рамки повествования. Вслед за ним сгинула и собака:

«Когда гроб зарыли, — люди ушли, а собака осталась и, сидя на свежей земле, долго молча нюхала могилу. Через несколько дней кто-то убил ее...» (*Горький*; т. 8: 12).

Полной противоположностью отцу стал образ его сына Павла. Горький использовал прием контраста в изображении этих персонажей, чтобы показать резкое отличие между ними. О противопоставлении светлого и темного начал в изображении отца и сына Власовых писал Е. Б. Тагер: «Михаил Власов еще весь погружен в эту тьму, плотную и тяжелую. Тьма обступает домик Власовых...» [Тагер: 108]. Иными словами, Власов-старший, впрочем, как и большинство рабочих фабрики, являлся порождением тьмы, невежества. Как отмечает Е. И. Маркова, «соответственны и внешность, и поведение людей, вышедших из этих "недр"» [Маркова: 624]. Сравнение Павла с белой березой резко контрастирует с мрачным и удручающим описанием жизни и быта слобожан и его отца и делает акцент на чистоте и непорочности этого персонажа:

«— Чего? — спросил отец, надвигаясь на высокую, тонкую фигуру сына, как тень на березу» (*Горький*; т. 8: 11).

Вызывает интерес еще одна немаловажная деталь. В тексте первой редакции Горький указал на наличие у Власова-старшего курительной трубки:

«Потом, держа голову вызывающе прямо, [с короткой и толстой трубкой в зубах], он шел следом за ними и [порою] вызывал...»⁸.

Из текстов более поздних редакций эта фраза исчезнет. Второй и последний раз трубка появится чуть позже, после смерти Михаила Власова. Сын потребует ее по возвращении с хмельной вечеринки:

«— И — курить буду! Дай мне отцову трубку... — тяжело двигая непослушным языком, бормотал Павел» (*Горький*; т. 8: 14).

Это единственный сохранившийся в повести эпизод, в котором осталось упоминание о трубке. Горький сознательно убрал этот предмет, чтобы он не перешел к Власову-младшему, поскольку писателю важно было показать, что связь между отцом и сыном порвана. Передающиеся по наследству вещи демонстрируют непрерывность традиций, связующих поколения «отцов и детей». В контексте повести курительная трубка символизировала собой тяжелую, распутную и бессмысленную жизнь ее обладателя. Переход по наследству к Павлу и дальнейшее использование этого предмета означали бы, что сына могла ожидать такая же судьба, как и его отца. Горькому необходимо было прервать эту порочную традицию, поскольку для Павла он уготовил иную миссию: отречение от старого миропорядка, отказ от собственного счастья во имя высокого служения человечеству. Выведение из конфликта «отцов и детей» Власова-старшего еще не означало окончательного разрешения спора между поколениями. Горький предложил свой вариант решения этого вопроса: по авторскому замыслу, вакантное место отца заняла мать. Ее любовь к сыну, деятельная

⁸ Горький М. Полн. собр. соч. Варианты к худож. произведениям. Т. 3. С. 13. В квадратных скобках коричневым шрифтом — фрагменты первой редакции, отсутствующие в основном тексте.

поддержка его дела и активное участие в пропаганде его правды устранили конфликт и вывели отношения между поколениями на качественно иной уровень.

По мнению Н. Н. Иванова, главные герои — Павел Власов и Пелагея Ниловна — стали проецироваться на образы Богородицы и Сына⁹: мать, как считает Иванов, «страждет новых, любовных человеческих отношений, восторгается красотой и обширностью земных богатств. Ее внутренние порывы в финальных главах произведения едва ли не напрямую обращены к Солнцу. Сын её, Павел, словно рожден для преобразования мира <...> как в том священном сюжете о Матери, Сын Которой явился ради такой же великой и жертвенной цели» [Иванов: 22].

Материнская тема и тема духовного возрождения женщины оказались существенными для произведения. Евангельская сюжетная линия трансформировалась: Сына на жертвенное служение людям посылает не Бог-отец, а Мать — место Отца-Бога, по мнению И. А. Есаулова, вакантно, оно достраивается в историческом контексте.

Говоря о «вакантности» места отца, исследователь имеет в виду сиротство по отцовской линии не только Павла Власова, но и его соратников. В большинстве случаев речь идет не столько о физическом сиротстве, сколько о духовном (см. подробнее: [Есаулов: 33 и др.]). В тексте повести нет ни одного эпизода, в котором были бы представлены теплые и доверительные отношения между отцом и сыном. Когда Павлу исполнилось четырнадцать лет, между ним и отцом произошел конфликт. В припадке гнева отец решил оттаскать сына за волосы — Павел в ответ схватил молоток и замахнулся им на родителя: «Будет! <...> Больше я не дамся...». Вскоре после этого случая Власов-старший отказал в содержании жене и сыну: «Денег с меня больше не спрашивай, тебя Пашка прокормит...» (*Горький*; т. 8: 11) и с того времени (почти два года вплоть до своей кончины) перестал замечать сына и прекратил всякое общение с ним.

⁹ На это указывали многие исследователи (см. напр.: Е. М. Неёлов [Неёлов], И. А. Есаулов [Есаулов: 34] и др.).

Аналогичная ситуация духовного сиротства по линии отца сложилась практически у всех соратников Павла, за исключением Андрея Находки. Поскольку тот никогда не видел и не знал своего отца, испытывать какие-либо чувства по отношению к нему было бы довольно сложно. В случае с ним можно говорить о сиротстве фактическом. Если проследить историю взаимоотношений с отцами остальных соратников Павла Власова, складывается следующая картина:

Наташа родом из богатой московской семьи. Ее отец успешно занимался торговлей металлами, владел несколькими домами, с детства девушка не знала ни в чем отказа. Однако в беседе с Ниловой героиня призналась: «Отец у меня такой грубый, брат тоже. И — пьяница» (*Горький*; т. 8: 33). Узнав, что вопреки его воле дочь увлеклась идеями социализма, отец выгнал ее из дома.

История Сашеньки, родившейся в семье помещика, в чем-то схожа с жизненной ситуацией Наташи. Испытывая жгучее чувство стыда за бесчестные деяния родителя, дочь земского начальника, обворовывавшего крестьян, отказалась от него. «У меня нет отца» (*Горький*; т. 8: 326), — упрямо и настойчиво отвечала Саша на расспросы Сизова.

У Николая Весовщикова отец — вор и пьяница, что стало причиной заключения его в тюрьму. Каждый раз проходя мимо окон каземата, Николай «увидит его <...> и ругает» (*Горький*; т. 8: 89). «Поганенький такой старичок», — так характеризует его Андрей Онисимович. В слободке знали, что жена Весовщикова-старшего пропала без вести, вероятно, не выдержав тяжелого испытания совместной жизни с ним. Стыдился его и сын.

У Николая Ивановича и его сестры Софьи отец был управляющим заводом в Вятке. Семья не нуждалась, однако брат и сестра приняли совместное решение посвятить себя служению людям и идеям социализма. Николай Иванович стал учителем, а Софья, овдовев, продолжила дело мужа и занималась партийными делами уже вместе с братом.

Тема духовного сиротства по линии отца прослеживается в повести довольно четко, и это не случайно. Горький хотел показать духовную и нравственную бесперспективность

поколения отцов — представителей изжившего себя прошлого. Но свято место пусто не бывает — по замыслу Горького, место отца заняла мать, благодаря чему одной из центральных и заметных в повести стала тема материнства и роли матери в жизни каждого человека. Образ матери оказался одним из ключевых в произведении, именно поэтому в ходе неоднократных переработок повести он подвергся наиболее существенным изменениям. По мнению С. В. Касторского, «перерабатывая повесть, Горький всегда особое внимание уделял образу Ниловны» [Касторский, 1954: 75]. Исследователь отмечал, что «в первоначальном тексте Ниловна была старухой, *бабулей*, как постоянно называл ее Егор Иванович <...> В последней редакции Ниловна стала *мамой*» [Касторский, 1954: 77]. В процессе работы над образом Пелагеи Власовой Горький значительно умерил ее религиозность, устранил целый ряд рассуждений на религиозные темы [Касторский, 1954: 79]. Стало заметно, как по мере развития сюжета ослабевает ее вера в Бога, а к концу книги и вовсе появляется сомнение в Его существовании. В проработке образа Ниловны в полной мере проявился талант Горького-художника: «...множество мелких исправлений, внесенных особенно в последней редакции, говорит о пристальном внимании Горького к центральному образу повести и тщательности его художественной обработки» [Касторский, 1954: 80]. Это самый динамично развивающийся персонаж произведения.

В образе Власовой Горькому важно было показать совершенно новый тип женщины-матери — деятельной, любящей, материсоратника. Возможно, он получился несколько идеализированным, на что незамедлительно обратила внимание критика тех лет. Сразу после выхода первой редакции повести в свет в конце марта 1907 г. критик В. Львов-Рогачевский писал Горькому:

«Обрадовался я Вашей книге, "как матери". В ней есть что-то умиленное и умиляющее; так можно писать о матери только на чужбине и только, не изведавши материнской ласки в детстве.

Теперь заговорят не о тургеневских "Отцах и детях", а о горьковских "Матерях и детях" и о величественном слиянии материнского и человеческого. Вы первый выдвинули фигуру новой матери, "невинно убиенной" и воскресшей, и поставили ее

на должную высоту. В пролетарской среде такие матери бывают, могут быть, должны быть. Ваша "Мать" — правда¹⁰.

Весь цикл женских образов в творчестве М. Горького, как отмечал В. В. Ермилов, тесно связан именно с образом Ниловны: «В образе могучей и ласковой с и л ы м а т е р и н с т в а , пронизывающей весь роман, <...> Горький дает прообраз той подлинной человечности, которая завоюет весь мир. Материнство будет выведено из жалких, тесных клетушек, оно станет силой, служащей всему человечеству» [Ермилов: 173–174].

Схожее мнение выразила и Н. П. Белкина. Но, в отличие от Ермилова, она была более сдержанна в своей оценке. По ее мнению, «Ниловна, как и Павел, не явилась в произведении неизвестно откуда. Образ Пелагеи Ниловны Власовой существовал, в отдельных деталях, в элементах, в целом ряде других женских образов из произведений, предшествующих "Матери". Ниловна — в этом смысле — новая ступень в создании образа женщины и стоит в таком же отношении к предшествующему творчеству Горького, как и Павел Власов» [Белкина: 98]. Как считала исследовательница, в образе матери нашли отражение лишь женские образы из предшествующих повести «Мать» произведений.

Таким образом, в повести «Мать» Горький предпринял попытку по-своему разрешить конфликт «отцов и детей». По его наблюдениям, поколение «отцов» оказалось не способно устранить сложившиеся противоречия и найти компромисс. Выведя из спора Отца как носителя изживших себя традиций прошлого, писатель предоставил Сыну утвердить свою новую правду, суть которой заключалась в борьбе за лучшее будущее для всего человечества. Первой помощницей Сына, другом и соратником в этом деле стала Мать. Памятуя о высоком предназначении Женщины, ее миссии и роли в жизни каждого человека и в мире в целом, писатель пришел к выводу, что разрешить конфликт поколений возможно только взаимной, активной, созидательной любовью, терпением, самопожертвованием во имя близкого человека, взаимным желанием понять и принять друг друга.

¹⁰ Архив А. М. Горького ИМЛИ РАН, КГ-П-47-1-1.

Список литературы

1. Баранова Н. Д., Баранов В. И. Повесть «Мать» и творчество Горького 20-х гг. // Вопросы горьковедения: межвуз. сб. Горький: Изд-во ГГУ, 1974. Вып. 1: «Мать» М. Горького. С. 24–57.
2. Белкина Н. П. В творческой лаборатории М. Горького. М.: Сов. писатель, 1940. 152 с.
3. Бурсов Б. И. Роман М. Горького «Мать» и вопросы социалистического реализма. М.: Гослитиздат, 1955. 225 с.
4. Бурсов Б. И. Роман М. Горького «Мать». М.; Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1962. 120 с.
5. Бялик Б. А. Так начиналась повесть «Мать» // Литературная газета. 1970. № 26 (4260). 24 июня. С. 6.
6. Бялик Б. А. Героическая поэма о рабочем классе: к 70-летию романа М. Горького «Мать» // Литературная газета. 1976. № 29 (4575). 21 июля. С. 2.
7. Воровский В. В. Максим Горький // Воровский В. В. Литературная критика. Фельетоны. М.: Юрайт, 2020. С. 175–190 [Электронный ресурс]. URL: <https://urait.ru/viewer/literaturnaya-kritika-feletony-454550#page/4> (10.11.2023). (Сер.: Антология мысли.)
8. Ермилов В. В. Мечта Горького: основные идеи творчества. М.: Сов. писатель, 1936. 194 с. [Электронный ресурс]. URL: http://gorkiy.rhga.ru/upload/iblock/add/ermilov_vv_mechta_gorkogo_osnovnye_idei_tvorchestva.pdf (10.11.2023).
9. Есаулов И. А. Лекция вторая: жертва и жертвенность в повести М. Горького «Мать» // Есаулов И. А. Мистика в русской литературе советского периода (Блок, Горький, Есенин, Пастернак). Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. С. 26–36 [Электронный ресурс]. URL: http://www.nkonasledie.ru/assets/docs/books/Ivan_Esaulov__Mistika_v_russkoy_literature_sovetskogo_perioda_Blok_Gorkiy_Esenin_Pasternak___Tver_Tverskoy_univers.pdf (10.11.2023).
10. Иванов Н. Н. Мифотворчество русских писателей (М. Горький, А. Н. Толстой). Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 1997. 145 с.
11. Касторский С. В. К вопросу о положительном герое в творчестве М. Горького: по материалам повести «Мать» и незавершенной повести «Сын» // Звезда. 1938. № 3. Март. С. 190–204.
12. Касторский С. В. Повесть М. Горького «Мать», ее общественно-политическое и литературное значение. Л.: Учпедгиз, 1954. 215 с.
13. Келдыш Вс. А. Русская литература «серебряного века» как сложная целостность // Русская литература рубежа веков (1890-е — начало 1920-х годов). М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. Кн. 1. С. 13–68.
14. Колобаева Л. А. Горький и Ницше // Вопросы литературы. 1990. № 10. С. 162–173.
15. Кондратьева О. Н. Зооморфные образы как источник осмысления концепта «душа» (диахронический аспект) // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева.

2011. № 2. С. 186–191 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.yumpu.com/xx/document/read/41080956/2011-2-/4> (10.11.2023).
16. Кубиков И. Н. Комментарий к роману М. Горького «Мать». М.: Мир, 1932. 68 с.
 17. Маркова Е. И. Креститель Руси Егорий и повесть Максима Горького «Мать» // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. Вып. 7. С. 619–629 [Электронный ресурс]. URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2701> (10.11.2023). DOI: 10.15393/j9.art.2005.2701. EDN: RUYMAV
 18. Михайловский Б. В., Тагер Е. Б. Творчество М. Горького. М.: Учпедгиз, 1951. 248 с.
 19. Неёлов Е. М. Христианские традиции в русской фантастической литературе XX — начала XXI века (статья 2) // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. Вып. 10. С. 351–359 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1458031471.pdf (10.11.2023). DOI: 10.15393/j9.art.2012.365. EDN: PIXGGB
 20. Никитина И. В. По следам героев М. Горького: нижегородский комментарий к произведениям писателя. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1981. 192 с.
 21. Спиридонова Л. А. Что же такое «Мать» М. Горького? // Нижегородский текст русской словесности: художественное постижение национальной ментальности: коллективная монография / отв. ред. В. Т. Захарова. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского гос. пед. ун-та им. Козьмы Минина, 2021. С. 215–220. EDN: MSFUYL
 22. Спиридонова Л. А. М. Горький — мыслитель, художник, человек. М.: ИМЛИ РАН, 2022. 432 с. DOI: 10.22455/978-5-9208-0697-0
 23. Стиль А. Горький и авангард // Иностранная литература. 1961. № 6. С. 185–187.
 24. Сухих С. И. Широта гения, целеустремленность борца // Вопросы горьковедения: межвуз. сб. Горький: Изд-во ГГУ, 1974. Вып. 1: «Мать» М. Горького. С. 222–228.
 25. Тагер Е. Б. Избр. работы о литературе. М.: Сов. писатель, 1988. 506 с.

References

1. Baranova N. D., Baranov V. I. The Short Novel “The Mother” and Gorky’s Works of the 20th. In: *Voprosy gor’kovedeniya: mezhvuzovskiy sbornik [Issues of Gorky Studies: Interuniversity Collection]*. Gorky, Gorky State University Publ., 1974, issue 1, pp. 24–57. (In Russ.)
2. Belkina N. P. *V tvorcheskoy laboratorii M. Gor’kogo [In the Creative Laboratory of M. Gorky]*. Moscow, Sovetskiy pisatel’ Publ., 1940. 152 p. (In Russ.)
3. Bursov B. I. *Roman M. Gor’kogo “Mat” i voprosy sotsialisticheskogo realizma [M. Gorky’s Novel “The Mother” and Issues of Socialist Realism]*. Moscow, Goslitizdat Publ., 1955. 225 p. (In Russ.)

4. Bursov B. I. *Roman M. Gor'kogo "Mat"* [M. Gorky's Novel "The Mother"]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1962. 120 p. (In Russ.)
5. Byalik B. A. This Is How the Short Novel "The Mother" Began. In: *Literaturnaya gazeta*, 1970, no. 26 (4260), June 24, p. 6. (In Russ.)
6. Byalik B. A. A Heroic Poem About the Working Class: to the 70th Anniversary of M. Gorky's Novel "The Mother". In: *Literaturnaya gazeta*, 1976, no. 29 (4575), July 21, p. 2. (In Russ.)
7. Vorovskiy V. V. Maxim Gorky. In: *Vorovskiy V. V. Literaturnaya kritika. Fel'yetyony* [Vorovsky V. V. *Literary Criticism. Feuilletons*]. Moscow, Yurayt Publ., 2020, pp. 175–190. Available at: <https://urait.ru/viewer/literaturnaya-kritika-feletony-454550#page/4> (accessed on November 10, 2023). (Ser.: An Anthology of Thought.) (In Russ.)
8. Ermilov V. V. *Mechta Gor'kogo: osnovnye idei tvorchestva* [Gorky's Dream: The Main Ideas of Works]. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1936. 194 p. Available at: http://gorkiy.rhga.ru/upload/iblock/add/ermilov_vv_mechta_gorkogo_osnovnye_idei_tvorchestva.pdf (accessed on November 10, 2023). (In Russ.)
9. Esaulov I. A. Lecture Two: Sacrifice and Sacrifice in M. Gorky's Short Novel "The Mother". In: *Esaulov I. A. Mistika v russkoy literature sovetskogo perioda (Blok, Gor'kiy, Esenin, Pasternak)* [Esaulov I. A. *Mysticism in Russian Literature of the Soviet Period (Blok, Gorky, Yesenin, Pasternak)*]. Tver', Tver State University Publ., 2002, pp. 26–36. Available at: http://www.nkonasledie.ru/assets/docs/books/Ivan_Esaulov__Mistika_v_russkoy_literature_sovetskogo_perioda_Blok_Gorkiy_Esenin_Pasternak__Tver_Tverskoy_univers.pdf (accessed on November 10, 2023). (In Russ.)
10. Ivanov N. N. *Mifotvorchestvo russkikh pisateley (M. Gor'kiy, A. N. Tolstoy)* [Myth-Making of Russian Writers (M. Gorky, A. N. Tolstoy)]. Yaroslavl, Yaroslavl State Pedagogical University Named After K. D. Ushinsky Publ., 1997. 145 p. (In Russ.)
11. Kastorskiy S. V. To the Question of a Positive Hero in the Works of M. Gorky: Based on Materials from the Short Novel "The Mother" and the Unfinished Short Novel "The Son". In: *Zvezda*, 1938, no. 3, March, pp. 190–204. (In Russ.)
12. Kastorskiy S. V. *Povest' M. Gor'kogo "Mat", eyo obshchestvenno-politicheskoe i literaturnoe znachenie* [M. Gorky's Short Novel "The Mother", Its Socio-Political and Literary Significance]. Leningrad, Uchpedgiz Publ., 1954. 213 p. (In Russ.)
13. Keldysh Vs. A. Russian Literature of the "Silver Age" as a Complex Integrity. In: *Russkaya literatura rubezha vekov (1890-e — nachalo 1920-kh godov)* [Russian Literature at the Turn of the Century (1890th — Early 1920th)]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., Nasledie Publ., 2001, book 1, pp. 13–68. (In Russ.)
14. Kolobaeva L. A. Gorky and Nietzsche. In: *Voprosy literatury*, 1990, no. 10, pp. 162–173. (In Russ.)

15. Kondrat'eva O. N. Zoomorphic Images as a Source of Understanding of the Concept of "The Soul" (Diachronic Aspect). In: *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni V. P. Astaf'eva* [Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University Named After V. P. Astafyev], 2011, no. 2, pp. 186–191. Available at: <https://www.yumpu.com/xx/document/read/41080956/2011-2-/4> (accessed on November 10, 2023). (In Russ.)
16. Kubikov I. N. *Kommentariy k romanu M. Gor'kogo "Mat"* [Commentary to the Novel by M. Gorky "The Mother"]. Moscow, Mir Publ., 1932. 68 p. (In Russ.)
17. Markova E. I. The Baptist of Russia Yegoriy (=Saint George) and the Story "The Mother" by Maxim Gorky's. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2005, issue 7, pp. 619–629. Available at: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2701> (accessed on November 10, 2023). DOI: 10.15393/j9.art.2005.2701. EDN: RUYMAV (In Russ.)
18. Mikhaylovskiy B. V., Tager E. B. *Tvorchestvo M. Gor'kogo* [Works of M. Gorky]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1951. 248 p. (In Russ.)
19. Neyolov E. M. Christian Traditions in Russian Fantastic Literature of the 20th — Early 21st Centuries (Article 2). In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2012, issue 10, pp. 351–359. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1458031471.pdf (accessed on November 10, 2023). DOI: 10.15393/j9.art.2012.365. EDN: PIXGGB (In Russ.)
20. Nikitina I. V. *Po sledam geroev M. Gor'kogo: nizhegorodskiy kommentariy k proizvedeniyam pisatelya* [In the Footsteps of the Heroes of M. Gorky: Nizhny Novgorod Commentary to the Writer's Works]. Gorky, Volgo-Vyatskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1981. 192 p. (In Russ.)
21. Spiridonova L. A. What Is "The Mother" of M. Gorky? In: *Nizhegorodskiy tekst russkoy slovesnosti: khudozhestvennoe postizhenie natsional'noy mental'nosti* [Nizhny Novgorod Text of Russian Literature: an Artistic Comprehension of National Mentality]. Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod State Pedagogical University Named After Kozma Minin Publ., 2021, pp. 215–220. EDN: MSFUYL (In Russ.)
22. Spiridonova L. A. M. Gor'kiy — myslitel', khudozhnik, chelovek [M. Gorky Is a Thinker, an Artist, a Person]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2022. 432 p. DOI: 10.22455/978-5-9208-0697-0 (In Russ.)
23. Stil' A. M. Gorky and the Avant-Garde. In: *Inostrannaya literatura*, 1961, no. 6, pp. 185–187. (In Russ.)
24. Sukhikh S. I. Breadth of Genius, Purposefulness of a Fighter. In: *Voprosy gor'kovedeniya: mezhvuzovskiy sbornik* [Issues of Gorky Studies: Interuniversity Collection]. Gorky, Gorky State University Publ., 1974, issue 1, pp. 222–228. (In Russ.)
25. Tager E. B. *Izbrannye raboty o literature* [Selected Works About Literature]. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1988. 506 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Егорова Юлия Михайловна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького, Российская академия наук (ул. Поварская, 25а, г. Москва, Российская Федерация, 121069); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6037-0466>; e-mail: fram1976@mail.ru.

Yuliya M. Egorova, PhD (Philology), Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences (ul. Povarskaya 25a, Moscow, 121069, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6037-0466>; e-mail: fram1976@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 18.11.2023

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 19.01.2024

Принята к публикации / Accepted 20.01.2024

Дата публикации / Date of publication 14.02.2024